

П.М. Дульский

Искусство казанских татар

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.01
ББК 85
П11

П11 **П.М. Дульский**
Искусство казанских татар / П.М. Дульский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
39 с.

ISBN 978-5-458-57419-8

Книга содержит описание некоторых традиционных элементов культуры
поволжских татар (жилище, одежда, народное искусство).

ISBN 978-5-458-57419-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

При изучении многообразных проявлений культурной жизни наших восточных республик и областей, наряду с вопросами экономического и социально-политического характера, должно быть уделено видное место и моменту идеологическому. Искусство, литература, научные достижения Союзного Востока должны быть выявлены со всей тщательностью. То, что искусственно задерживалось или таилось за семью печатями, теперь может предстать во всей полноте.

Всем хорошо известны исключительные художественные достижения Востока в области изобразительных искусств. Здесь мы видим, как в беге столетий было неиссякаемым ядром творчества народов, создававших изумительные образцы живописи, пластики, архитектуры. Художественное влияние Востока (ближнего, среднего, дальнего) выходило далеко за пределы Азии и имело колоссальную экспансию. Европейское искусство с самых древних времен находилось под сильным воздействием Востока, обильно питаясь его творческими созданиями. В настоящее время наука стремится подытожить все эти разновременные, но почти всегда интенсивные влияния Востока на художественную культуру Запада. Надо ли говорить о том совершенно особом значении, какое имело творчество Востока для русского искусства. Ведь, само русское искусство по праву можно назвать в большей своей степени искусством восточным.

Если теперь стало признанным великое культурно-художественное влияние Востока, то само искусство Востока, во всех разнообразных его проявлениях, далеко еще не изучено. Новые и новые сенсационные открытия в этой области неперестанно расширяют горизонты. Стираются прежние традиционные границы; культуры дальнего и ближнего Востока уже во времена седой древности находились во взаимном общении, влияли, в свою очередь, на восточную и южную Европу. Грандиозный размах маговизматской культурной экспансии достигает пределов нашего севера, где пережитки ее сохраняются до последних дней.

Восточные культуры Союза Республики таят большие художественные ценности. Средняя Азия, Кавказ, Крым, Поволжье, Сибирь изобилуют первоклассными образцами материальной культуры. Если памятники прошлого свидетельствуют о былой мощи и высоких художественных достижениях пронесшихся по лону восточно-европейской равнины народностей, то современное искусство наших республик и областей

наглядно показывает непрерывное развитие народного творчества в области искусства и художественного ремесла. При изучении художественной культуры народа, наряду с изучением отдельных шедевров, творений индивидуальных мастеров, необходимо обращать пристальное внимание и на коллективное творчество, на создания народного искусства. Художественная промышленность, художественное ремесло не должны рассматриваться как-то в стороне, в стороне. Нет, при изучении художественной культуры того или другого народа Востока, мы должны руководствоваться и производственным принципом, комбинируемым с принципом культурно-историческим. На эстетический снобизм Запада, ищущего «экзотики», не отвлеченный и беспочвенный подход так называемого «искусствознания», а подход социологический абсолютно необходим при рассмотрении вопросов художественной культуры. Это теперь проникает и в научную литературу; на этих основах предполагается строить и наши новые музеи.

Предпринимаемая серия «Художественная культура Востока СССР» ставит своей задачей, в ряде научно-популярных очерков, сопровождаемых соответствующим иллюстративным материалом, представить искусство и художественную промышленность наших союзных и автономных республик и областей. Преследуя цели широкой популяризации, очерки в то же время вводят в научный обиход новый материал, являющийся результатом исследований самых последних лет. Рисунки в своем огромном большинстве также являются впервые публикуемыми и специально предоставленными для настоящего издания. В первую очередь выходят книжки, посвященные искусству казанских татар, искусству Средней Азии, искусству и художественной промышленности Дагестана, искусству и художественной промышленности крымских татар, народному искусству киргиз, народному искусству алмакеев и др.

Пусть эта серия в памятниках материальной культуры отобразит тот подъем, ту бодрость, активную и трудовую жизнь, какой живет теперь наш освобожденный и широко развивающий свою творческую деятельность Советский Восток.

И. БОРОЗДИН.

ИСКУССТВО НАЗАНСКИХ ТАТАР

Большинство культурных людей почти не признает за татарами права на собственное искусство. Считая этот народ безличным, многие совершенно отрицают у них всякое творческое начало. Такая точка зрения, безусловно, должна быть признана ложной, и мы в нашей настоящей работе постараемся рассеять этот взгляд и доказать, что татары по существу большие мастера и художники. Мы не будем здесь останавливаться на описании отдельных эпох, когда у татар существовала своя самостоятельная культура, доходившая до нас только в виде осколков и пылинок бывшего их искусства. Богатое зодчество Поволжья¹⁾, сочная, цветистая керамика²⁾, татарская золотоордынская мозаика, в которой мастера, находясь под воздействием разнородных художественных направлений, творили свое искусство, преломляя его под впечатлением личных настроений³⁾. Все эти вехи бывшего творчества татар могут нам служить прекрасным документом о прошлом, почти забытом, художественном откровении этого народа. Культура болгар, насимовские лампадки татарского зодчества, опять же, все это нам напоминает о том, что некогда у волжских татар существовало свое большое, монументальное искусство.

Современное творчество казанских татар может быть, главным образом, рассматриваемо, как искусство их быта, в котором еще сохранились национальные черты, вкус и оттенки художественного колорита, воспроизводящие нам народную жизнь казанского татарина в оригинальных бытовых формах и национальных традициях. Но мы думаем, что и это «ИСКУССТВО В ЭТНОГРАФИИ» казанских татар доживает свои последние дни, так как в прежнее устои жизни врывается новый городской быт, ничего не имеющий общего с примитивными, но праздничными, цветистыми обычаями и их нарядами, полными своеобразной красоты и значимости.

В виду этих современных симптомов, угрожающих совершенно выгнать этнографический элемент жизни у народа, заменив его базарной модой, мы, как раз, и думаем в настоящей работе зафиксировать ряд образцов бытового искусства казанских татар.

Нельзя быт рассматривать вне его жилища; дом, изба, хата всегда у всех народов служили тем фоном, на котором разворачивалась картина житейского обихода. Поэтому, для выявления искусства в быте, все же необходимо коснуться также зодчества. Внешность жилища казанского татарина довольно своеобразна, и мы в данном случае, будем придерживаться в психологии архитектурных форм, примеров не из казанской городской жизни, где все типичное уже выветривается и заменяется модным, в наши описания будут исключительно посвящены тем особенным образцам, которые нам пришлось изучать вдали от городской жизни, в нашей экспедиции летом 1923 года.

Мы посетили целый ряд татарских селений, где городская культура еще не успела заметно захватить в свой круг влияния бытовой уклад населения этих мест. Наш маршрут был на Малые Ряси, Татарские Алаты, Большую Атю, Большие Менгеры, Каймары, Шушары, большинство которых отстоит от Казани на расстоянии 50—60 вер. Во время нашей поездки, в некоторых из этих селений еще не было телеграфа, телефона, а почта бывала не более одного раза в неделю, и при таких условиях, конечно, городская культура еще не скоро нарушит патриархальность старинных привычек; и живя в этой глуши, где совершенно отсутствует русская речь, невольно чувствуешь себя на каком-то острове, совершенно отрезанном от всего мира.

Более интересным и типичным местом, где мы несколько задержались в нашей поездке и нашли достаточный материал для ознакомления с жизнью татарина, была Большая Атю.

Каменного зодчества вообще в нашей поездке мы почти не встретили, за исключением двух-трех мечетей, ярко вырисовывающихся своей близкой к общему фону довольно однообразного пейзажа; эти постройки интереса не представляют, так как они почти новые. Из всего того, что нам пришлось наблюдать в поездке, в области татарского деревянного зодчества, в особенности в Б. Ате, может быть подразделено на несколько периодов, и к самому раннему надо отнести деревянные дома середины XIX века. Более старинных зданий не сохранилось, так как они были

сметены пожарами. Б. Атия много горела, и в один из сильных пожаров, в 1838 году, сгорела вся северная часть селения, а в 1888 году выгорела противоположная. Из рукописного дневника местного старомилы Абдуллы Сатара Хакимова видно, что пожар в 1888 году произошёл в субботу 18 июля, в 4 часа дня, и в течение трех часов сгорело 92 двора и мечеть. Естественно, что при таких бедствиях трудно было сохраниться деревянному древнему зодчеству, и если что ныне еще и осталось, то это находится в северной части селения, строительство которого восходит не ранее 1838 года. Но как раз эти сохранившиеся дома свидетельствуют нам о том, что они строились в любимых формах того времени. Из самых старых строений Б. Атии, мы укажем на одноэтажный, небольшой дом Абдуллы Рашитова, имеющий татарскую надпись и дату. Более нарядными домами являются строения крестьян Ахмед-Хана, Хабидуллина, Галей-Сабитова, Зигандшина и друг. Все эти дома почти одного времени и их стиль и планы носят между собой сходственные черты и формы, так что мы здесь не будем описывать каждый дом в отдельности, а выделим все более или менее характерное и типичное не только для Б. Атии, но и для всего этого округа, в котором живут исключительно татары. Как мы выше уже указали, дома татары строят во дворе, службы примыкают к ограде—эта традиционная бытовая черта унаследована стариной обычая и замкнутостью их семейного очага. Историк Н. ФУНС, еще в 1844 году отметил в своей работе эту строительную особенность, указывая на то, что: «Дома, по большей части, деревянные, обыкновенно с двух этажах, стоят по средине двора, а кругом его амбары и деревянные станы» ¹⁾.

Обычный тип крестьянских домов представляет избу с двухскатной крышей и фронтоном ²⁾. Одной из самых характерных особенностей строительства татар является план их дома. Нижний этаж всегда отводится под разные кладовые, сени, чуланы, и, главным образом, черную избу, т.е. большую комнату для житейского, будничного обихода; план этой комнаты квадратный. Второй этаж имеет белую избу для гостей, называемую гостевой и комнату для женской половины, а там же имеются еще специальные летние помещения, в антресолях, тоже для женщин. Внешняя архитектура татарского деревенского дома замкнутого крестьянина не лишена убранства и некоторого вкуса. Особую нарядность составляют пышные фронтоны со специальными нишеобразными

балконами, украшенными колоннами. Эти террасы имеют характер итальянских лоджий, и в то же время они очень напоминают русские северные светелки¹⁾, с той только разницей, что у русских строились они наружу фронтона, а у татар—вглубь; вероятно, главная причина такой конструкции террасов у татар—боязнь любопытства своих соседей, которые должны по старинному обычаю быть скрыты от всякого постороннего взгляда. Также декоративным элементом у татар являются еще нарядные их крыльца, расположенные по фасаду рядом, одно для черного, а другое для белого хода. Крыльца в верхней своей части бывают с небольшими фронтонами, украшенными узористой резьбой того же рисунка, как и наличники на данном здании. Часто в татарских деревянных домах встречается декоративная обработка в виде пиллястр и рустовки. Крыши в старых домах бывают высокого свеса: это же отмечает М. Назворов в своем труде 1899 года, где он говорит: «Дома, кроме очень малого числа, все деревянные, и вообще наружность несколько отлична от русских, потому, что крыши на их домах делаются возвышеннее и кверху суживаются»²⁾. Общий стиль нарядных татарских построек, которые нам пришлось наблюдать, очень напоминает отголоски русского классицизма, который, вероятно, для деревенских мотивов и послужил прототипом и заимствован был в ближайших зажиточных усадьбах.

Но если общий архитектурный облик татарских деревянных домов может иметь некоторое родство с русским ампиром, то смелая раскраска татарских зданий уже, безусловно, принадлежит к индивидуальным особенностям восточного вкуса, так ярко выразившимся в декоративной обработке. Татары в этой области мастерства составляют полную противоположность русским, у которых декорация избы вся построена на деревянной резьбе, у татар же все покрыто краской самых смелых, интенсивных тонов. Полихромия у татар является центральным элементом декоративной обработки не домов, а также иногда и других дворовых построек. Все у них раскрашивается пестрыми тонами, имеющими близкое сходство с цветистыми вышивками и другими предметами народного искусства татар. Любимой гаммой тонов у них является: зеленый, синий, белый, желтый, и иногда красный цвет. Схема окраски бывает такова: все здание окрашивается в какой-либо спокойный, нейтральный тон, далее по вертикали идет ряд горизонтальных ярких полос, пиллястры и оконные рамы тоже окрашиваются в тон карнизов, но самым главным

местом окраски служит фронто́н, который в большинстве случаев бывает ярко-зеленого цвета с белой каймой по краям. Находящийся в центре фронтона балкон имеет такую окраску: свод ниши бывает красный, задняя стена ниши синего цвета, на которой очень рельефно выделяются большие окна, кроме того, синий цвет дает общему пятну ниши приятную глубину, колонны балкона бывают белые с зелеными паникурами, вместо капителей и красными поясами. Соответственно с этой окраской бывает выполнена расцветка крылец, узоров наличников и других украшений. Ворота и забор тоже всегда расширяются в копорите всего ансамбля татарской усадьбы. В городах этот тип живописного строительства тоже существует, но он довольно редко теперь встречается и более любимой формой, в особенности, у казанских богатых татар, является тип двухэтажных домов, соединенных в верхнем этаже перекинутой между ними крытой галлереей с цветными стеклами. Думаем, что этот прием, вероятно, привнес в Казанском крае не без заимствования подобных мотивов в турецком жилище¹).

И оригинальным строительным образцам татарского деревянного зодчества должна быть отнесена мечеть. По своему внешнему виду деревянная мечеть казанских татар представляет довольно высокое прямоугольное здание с двухскатной крышей, у которой в средней части имеется минарет, по своей форме представляющий восьмигранную башню с шатром, заканчивающуюся полумесяцем. Обычно нижний барабан минарета бывает расширен в два цвета—белый и зеленый, чередующийся горизонтальными полосами, иногда же эти полосы имеют вид зигзагообразный; над глухой частью барабана находится теной из формы эстеканный балкон, откуда муэдзин по несколько раз в день призывает правоверных к молитве. Если внешняя архитектура мечети обладает довольно суховатым силуэтом, лишенным вытесненного убранства, то зато очень приятен своей простотой и уютностью, не лишенной красоты, ее интерьер. Даже в бедных селениях интерьеры мечетей носят художественный облик, подкупающий своей безумеризированной чистотой. По своему плану мечеть разделяется на две части—притвор, где входящие мусульманы оставляют свои пальто и обувь, и другая часть, главная, обращенная всегда на юг, к Каабе.

В нашей поездке, к сожалению, старинных памятников этого рода, как каменных, а также деревянных, нам не пришлось встретить, но нам

на более интересные образцы, мы все же должны указать на деревянную мечеть в Расах, построенную в 1780 году, и другую, в Б. Менгерах, относящуюся к 1795 году. Мечеть в Б. Менгерах носит название «средней» и построена Муртазой Мунасефовым-Адымовым, ремонтировалась она в 1858 и 1889 годах; в этой мечети очень любопытна старинная изразцовая печь. Интерьер Менгеровской мечети представляет квадратную комнату, всю устланную восточными коврами, в середине ее имеется простой, но довольно любопытный Михраб с порталом, в стиле екатерининского времени, — с правой стороны в углу находится Мимбер-нафадра для проповеди или торжественной молитвы.

Живопись, или самостоятельная область искусства, у казанских татар совершенно не существует, если не считать несколько казанских миниатюристов и каллиграфов, работавших до середины XIX века.

Если искусство казанских татар за последние века мало себя проявило в области зодчества, живописи и скульптуры, то в области бытового народного творчества оно дало много интересного и оригинального. Правда, в их современном быте чувствуется некоторое смешение вкусов, сложившихся, с одной стороны, под влиянием Востока и ислама, и с другой, под тем непосредственным впечатлением городской моды и культуры, которым за последнее время стали все чаще и чаще проникать в народную жизнь. Улучшение татар своим бытом и народным творчеством объясняется тем, что после порабощения этого народа в XVI веке, он не имел возможности открыто творить свое большое национальное искусство, и ему пришлось замуровать в своей домашней обстановке, концентрируя духовные свои потребности и художественные стремления исключительно в интимной обстановке своего семейного очага. И отсюда декоративность уюта, интимная красота убранства их жилищ составляет одну из специфических сторон творчества народной фантазии татар.

Прежде всего, мы остановимся на внешнем описании их комнат: обыденная «черная изба» имеет вид большого квадратного помещения, предназначенного исключительно для будничного жилья, по своей внешности она в настоящее время ни чем не отличается от таковых же комнат, существовавших у татар в старину. Известный И. Лепехин, путешествуя в конце XVIII века по России, так описывает это жилье: «В избах у татар поделаны глухие нары около стены дверям противуположной, шириною сколько протянувшийся человек занять может. Нары служат им и

кроватью, и ларем для поклада домашних надобностей. В потолки над норами прирепляется веревочка, и которой привешивают занавес шириною во все нору; итак, когда его спускают, то он представляет совершенный полог. Татары имеют изрядные перины и подушки». При посещении целого ряда татарских домов нам пришлось наблюдать такое же устройство «черной избы», как это описывает историк конца XVIII века. Здесь все по старинному, патриархальному, даже расположение предметов у них имеет свое традиционное место. С правой стороны от входа всегда бывает большая печь, своеобразного вида, с низким шестком и двумя котлами для варки пищи. Против печи, у передней стены нору, покрытые войлоном и стеганным «курпе», тут же, на норах «тюшли», подушки, перины и сверху кашага с двумя занавесками. За печью в углу устраивается всегда небольшая коморна, в которой стоит громадных размеров медный таз и несколько кумганов с водой для омовения. Общая нарядность «черной избы» всегда бывает довольно убога, но все же в ней непреходящими элементами обстановки должны быть: шкафчик с посудой, зеркала, часы, сундуки, покрытые пестрыми тканями и на окнах цветы. Совсем другое впечатление производит «белая гостевая комната». Она вся в коврах, занавесках, столы покрыты богатыми рисунчатыми сивтертями, постель нарядно убрана одеялом (нурама) и подушками до 10 штук разных размеров, кровать уютно задрапирована пологом (чершау). Окна все уставлены банями с любимыми цветами — геранью и бальзаминами. В простенках обязательно расставлены шкафчики с фарфором, с безделушками, зеркала, горки и старинного фасона часы с боем. На почетном месте прибиты в рамах остекленные священные шаманки разнообразных рисунков и восточных шрифтов.

На этом довольно красочном фоне, особенно эффектно выделяются персонажи интерьеров, разряженные в свои национальные костюмы. Первое место в смысле нарядов, конечно, прежде всего, принадлежит женщине. Хотя она и далека бывает от общества, ведя замкнутую жизнь, но все же татарки большие любительницы красиво одеться. И взгляд на костюм женщины, в житейской обстановке у татар сложился, как на что-то важное, имеющее большое значение для жизни. Один из татарских писателей даже воспевает красоту женского наряда, указывая на то, что наряд женщины должен быть не только приличным, но и красивым¹⁾. Мы здесь не будем подробно описывать весь костюм татарки,

но остановимся только на тех предметах их нарядов, в которых больше всего отразились вкус, художественная оригинальность и бытовая сторона. Прежде всего, мы обратим внимание на пышное нагрудное украшение «кию», которое нашивается на платье. Оно представляет собой широкую ленту галуна, унизанную металлическими бляхами, брошками, монетами, самоцветами и букарскими пряжками. Это украшение носят преимущественно замужние женщины.

Более интимного свойства украшение, это—«куурян», он носится татарками на груди, прямо на голом теле, представляя собой ритуальный характер. Безусловно «куурян» есть пережиток самой глубокой старины. Далее, интересным украшением женского наряда является «джи-ака»—чисто ювелирное изделие. Этот предмет представляет собой род воротника, состоящего из двух пряжек-застежек, нашиваемых на особую бархатную ленту, которая одевается на шею. От пряжек кинзу идут пять цепочек, заканчивающихся интересными пятью брошками, в центре которых почти всегда бывают дорогие камни, в вокруг тонкая ткань. В большинстве случаев этот наряд бывает очень тонкой, художественной работы из серебра и золота, и он всегда богато украшается камнями, среди которых бирюза является самым любимым. К сомаленню, теперь этот наряд совершенно выходит из употребления, и он только встречается, как музейная редность. Довольно оригинальным украшением является «хаситэ». Она представляет сплошь унизанный металлическими украшениями пояс, на котором висят: пряжки, брошки, медальоны, разные подвески, монеты и т. д. Носится «хаситэ» перевязью, через правое плечо, с таким расчетом, чтобы под сердцем у татарки нам раз приходился особый кармашек, в который вкладывается футляр с молитвой. Эти футляры «бхитю» имеют вид металлической коробки для корана и молитвы и бывают часто очень красивой работы. Всем, вероятно, хорошо известен ящик для корана Касимовской работы 1812 года, представляющий шедевр ювелирного искусства⁴¹⁾ и послуживший, вероятно, образцом впоследствии казанским мастерам-татарам-ювелирам. Из предметов, имевшихся в нашем распоряжении и принадлежавших местному мастерству, назовем старинный серебряный футляр из Синкперовской коллекции (ныне собрания Казанского Центрального Музея). Он представляет прямоугольную коробочку с крышней, которая украшена довольно интересным орнаментом. Подобные футляры